

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 36

А.П. Долгова

**СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2022 год

Чебоксары — 2023

УДК 821.512.111
ББК 81.2=635.1
Д 63

Научный редактор **Г.А. Николаев**

Долгова А.П.
Д 63 **Синтаксический строй чувашского языка как объект лингвистического исследования / А.П. Долгова; науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары, 2023. — 44 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 36).**

В докладе на основе обзора истории развития и анализа современного состояния чувашской синтаксической науки рассматриваются проблемы синтаксического строя чувашского языка. Основное внимание уделяется спорным вопросам порядка слов, трактовки членов предложения, типологии простых предложений по представленности структурных элементов и др. Для решения имеющихся проблем предлагается применить поаспектный подход к анализу предложения.

УДК 821.512.111
ББК 81.2=635.1

© Долгова А.П., 2023
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Термином «синтаксис» обозначается как составная часть лингвистики, так и объект этой научной дисциплины. Синтаксис как наука — это раздел языкознания о синтаксическом строе языка: во-первых, о механизмах связной речи, во-вторых, о синтаксических единицах, синтаксических связях и синтаксических отношениях.

В современной чувашской синтаксической науке преобладает подход, основанный на концепции членов предложения. Это так называемый традиционный синтаксис, который дает представление только об одной из сторон предложения (о его конструктивной структуре). Такое рассмотрение содержит множество противоречий и неоднозначных трактовок, что препятствует созданию стройной системы теоретического осмысления явлений чувашского языка и практического применения в процессах его нормализации и преподавания. Этим и обусловлена актуальность настоящей работы.

Целью исследования является изучение вопросов синтаксического строя чувашского языка, не получивших до нынешнего времени бесспорных решений. Среди задач: краткий обзор истории развития чувашского языкознания; выявление круга спорных моментов трактовки грамматических явлений чувашского языка; анализ расхождений в интерпретациях этих явлений; поиск возможных путей преодоления противоречий в этой области. Естественно, все спорные вопросы строя чувашского синтаксиса в этой работе не могут быть рассмотрены. В качестве основного предмета исследования выбраны проблемы строения простого предложения, в ряде случаев будут затронуты факты, касающиеся особенностей чувашского словосочетания и сложного предложения.

Наибольшее внимание в докладе будет сосредоточено на таких вопросах, как роль порядка слов в строе предложения, принципы выделения членов предложения и определения их статуса, типология простых предложений по представленности структурных элементов, характеристика компонентов, осложняющих простое предложение.

Изучению подвергаются различные трактовки основных особенностей синтаксических категорий, сложившиеся к нынеш-

нему этапу развития чувашской синтаксической науки. Материал для исследования берется не только из монографических исследований и других видов научных работ по чувашскому синтаксису, но и учебной литературы как вузовского, так и школьного уровня. Это связано с тем, что в истории чувашской грамматической науки были достаточно длительные периоды, когда чувашский язык исследовался прежде всего для удовлетворения потребностей образования. Данный фактор является, на наш взгляд, достаточным основанием для привлечения к анализу теоретических знаний, на которых строятся учебные и методические пособия, наряду с идеями, изложенными в научных изданиях. Кроме того, для раскрытия сути противоречий, сложившихся в чувашском языкознании, целесообразно привести в начале доклада обзор ряда тезисов общелингвистического характера.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Большинство носителей языка знает о строе родного и русского языков на уровне школьной программы. Из курса синтаксиса запоминаются прежде всего разбор по членам предложения и связанные с ним процедуры, необходимые в первую очередь для выработки орфографически и пунктуационно грамотной письменной речи, и только во вторую — формирования грамматически и стилистически правильной речи (как устной, так и письменной). А вся остальная теоретическая информация в основном забывается (хотя остаются практические навыки, полученные в ходе знакомства с ней) по причине, как кажется значительной части людей, ее бесполезности. Подоплеку этого явления некоторые педагоги-русисты видят в представлении, складывающемся в ходе обучения в школе: «Учащиеся считают, что они изучают язык, но это не так: они изучают одну из лингвистических концепций, представляющую научное знание о языке»¹. Аналогичного мнения придерживался и исследователь чувашского языка И.А. Андреев: «Они (предложения. — А.Д.) понятия не языковые, а лингвистические, то есть той науки, которая изучает реальный язык в его речевом проявлении. Получается, что школьный синтаксис подменяет объект изучения, то есть язык и речь, наукой об этом объекте»².

Школьное преподавание основ знаний о языке базируется на описательной и систематизированной на одной общей непротиворечивой концепции, кажущейся лишенной несостыковок и двусмысленностей. Обучение в школе, как правило, выстраивается на определенной научной точке зрения, которая преподносится как единственно верная. Но ни сам язык, ни наука о нем не стоят на месте. В учебники же попадают проверенные временем и устоявшиеся научные концепции, отвечающие практическим потребностям языкового коллектива. Один из самых известных современных лингвистов России В.М. Алпатов по этому поводу отметил: «...на основании школьного учебника русского языка может создаться представление о том, что имеется некоторая единая система описания этого языка, но по многим вопросам ученые спорят, существуют разные подходы и альтернативные решения»³.

В.Г. Гак причиной плюрализма во взглядах на языковые явления, который «не только возможен, но и неизбежен», считает полиаспектность объекта исследования, который «имеет множество граней, связей, проявлений», и большинство расхождений «в интерпретации явлений... определяются тем, что само явление многосторонне»⁴. К тому же языку, при всей его кажущейся системности, присуща определенная стихийность (наиболее красноречивым подтверждением чему являются многочисленные исключения из правил), игнорировать которую также не стоит, необходимо учитывать обширный неоднородный и противоречивый материал языка во всей его полноте⁵. Итак, сложность языка и противоречивость языковых явлений с одной стороны, и его изменчивость во времени — с другой, способствуют возникновению «множественности интерпретаций» в лингвистической науке⁶.

На научное осмысление языков народов России оказало мощнейшее воздействие достаточно хорошо развитое русское языкознание. Становление национальных лингвистик происходило под его влиянием и даже более того: в течение нескольких десятилетий (в 1920—1940-е гг.) они формировались на основе копирования системы русского языкознания, в особенности его грамматической части. С утверждением единых программ для школ и с переходом к унификации учебников родных языков распространилась практика подготовки учеб-

ной литературы на основе учебников русского языка. С этого момента фактически во всей отечественной лингвистике в качестве доминирующего метода не только обучения, но и исследования установился способ, в определенных кругах иронично названный «шапирографией»⁷.

Преодоление механического переноса в научных исследованиях матрицы русской грамматической системы на материал чувашского языка с совершенно иным строем началось лишь в середине 1950-х гг. Процесс этот активизировался после дискуссий по вопросам грамматики⁸. Однако такой подход сохраняется в отдельных случаях и по сей день. Два разных подхода к описанию грамматического строя языка («по образцу» и исходя из эмпирического материала) также способствовали развитию различных «систем» в трактовках того или иного вопроса⁹.

Кроме многообразия направлений в грамматических исследованиях необходимо отметить факт появления вариаций терминологических систем, иногда частично совпадающих, а в некоторых случаях — совершенно не пересекающихся: «В лингвистических трудах... постоянно обнаруживаются расхождения в классификациях, в терминологическом обозначении понятий, в теоретическом объяснении и тех же языковых явлений»¹⁰. Например, основа спора о придаточных предложениях тюркских языков, по мнению известного представителя Санкт-Петербургской тюркологической школы С.Н. Иванова, «носит не сущностный, а терминологический характер»¹¹.

Изменения в обозначении того или иного понятия в языкознании часто связаны с совершенствованием терминотворчества¹². Однако надо иметь в виду и то, что изменения нередко обусловлены необходимостью применить новое название уже известного языкового факта при рассмотрении его с другой точки зрения и/или выявлении у него иных признаков¹³. В чувашском языкознании такой прием встречается в трудах И.А. Андреева. Можно привести в пример выдвигание им термина *тема* в качестве обозначения части предложения, которая обозначает предмет речи, то есть о ком или о чем говорится в предложении (компонент коммуникативного аспекта предложения), а термином *подлежащее* он предложил называть компонент, обозначающий носителя предикативного при-

знака, или, по-другому, название субъекта действия в форме активного деятеля, то есть в форме номинатива (компонент грамматического аспекта)¹⁴. И.А. Андреев предложил также при изучении чувашского языка отказаться от синтаксических терминов *приложение*, *согласование* и некоторых других, так как они заимствованы из «русской грамматической литературы (преимущественно учебного характера)» без всякого на то основания, и в чувашском языке нет явлений, соответствующих этим терминам¹⁵.

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ НАПРАВЛЕНИЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКИ

Предложение имеет множество научных трактовок. Для одних оно — основная единица синтаксического уровня языка и единица речи. Для других имеет отношение только к языку, в речи же реализуется в виде высказывания. Предложение признается, с одной стороны, единицей общения, с другой — средством формирования и выражения мысли. В качестве основных признаков предложения выдвигаются смысловая и интонационная завершенность, грамматически организованное соединение частей, выражение предикативности (отнесенность его содержания к действительности).

Современной лингвистикой предложение рассматривается как разноплановая языковая единица, для которой характерны многокомпонентная и многоуровневая организация и полифункциональность. С этим связано достаточно большое количество направлений в его изучении. Разные аспекты предложения (формальный, семантический, коммуникативный, прагматический, когнитивный и т.п.) предусматривают разные подходы к его рассмотрению. Данное обстоятельство является причиной появления различных направлений в синтаксической науке: формально-грамматического (чаще называется традиционным, иногда — конструктивным или грамматическим), семантического, коммуникативного, прагматического и ряда других.

Синтаксическая наука, основы которой были заложены еще в античности как продолжение логического учения, в России

к началу XX в. сложилась как синтаксис членов предложения. Данная концепция синтаксиса тесно связана с морфологией — внутренним строением слов и их грамматическими категориями (с их значениями и средствами выражения). Морфология и синтаксис, исследующие законы строения и функционирования слов и предложений, при традиционном подходе оперируют такими взаимосвязанными понятиями, как *части речи* и *члены предложения*. В течение продолжительного времени в изучении синтаксического строя языка анализ предложения и в научной, и в образовательной сферах проводился именно в терминах членов предложения.

Но научное описание синтаксиса, выстроенное на дифференциации членов предложения, отличающихся друг от друга, во-первых, синтаксическими функциями (определяющимися на основе выделения логических понятий суждения — субъекта и предиката) и, во-вторых, морфологическими признаками (принадлежность к той или иной части, к той или иной грамматической категории через определение формального выражения), не всегда дает однозначные решения¹⁶. Вся история развития традиционного синтаксиса сопровождается попытками разрешения спорных моментов, заложенных в концепции членов предложения. Основное противоречие — равноуровневость критериев их выделения. Одни определяются по морфологическим признакам словоформы, которой выражен член предложения; другие — по занимаемой синтаксической позиции, третьи — по принадлежности к той или иной части речи, четвертые — по лексической семантике и т.д. Наиболее распространенной практикой является выделение членов предложения по морфологическому способу (прежде всего — по частеречной принадлежности) и типу синтаксической связи. Морфологический характер анализа членов предложения выражен и в основном способе, применяемом в школьной практике, — в определении члена предложения при помощи постановки вопроса, который в свою очередь тоже является морфологическим.

Тем не менее, при всех выявленных противоречиях концепция членов предложения представляет собой достаточно рациональную разработку. Привязанность к морфологии признается недостатком, в то же время привилегией традиционного синтаксиса. Способ обращения непосредственно к морфологии

или через посредство понятия «член предложения» (несмотря на критику, которую получала и продолжает получать эта категория) выступает в работах российских лингвистов как прием в ходе рассмотрения различных аспектов синтаксического строя. При необходимости трактовки грамматической сути синтаксического явления вместо прямого обращения к морфологическим категориям исследователь зачастую оперирует терминами именно концепции членов предложения.

Рассмотрим особенности использования категорий частей речи и морфологических категорий в различных направлениях синтаксической науки.

Традиционный синтаксис, как уже указывалось выше, в основе своей строится на анализе структуры предложения при помощи выделения членов предложения. Отечественная лингвистика руководствуется при этом: 1) формальными показателями категорий той или иной части речи (например, дополнение отличает от остальных членов предложения прежде всего то, что оно имеет форму косвенного падежа; это — сугубо морфологический признак); 2) установлением общекатегориального частеречного лексического значения слова (для существительных основным значением является предметность, для прилагательных — признак предмета, для глаголов — действие и т.д.); 3) функционально-семантической характеристикой (семантикой синтаксических связей между компонентами предложения), в этом случае также не обходится без привлечения частеречной квалификации (например, главная черта определения — присубстантивная позиция). Традиционный синтаксис (синтаксис членов предложения) по своей сути представляет собой морфологический синтаксис, или морфосинтаксис¹⁷. Таким образом, почти вся чувашская синтаксическая наука (за редкими исключениями, о которых речь пойдет ниже) представляет собой именно морфосинтаксис¹⁸.

Семантический синтаксис также нередко оперирует морфологическими категориями. Даже наиболее формализованные течения семантического направления синтаксиса при составлении структурных типов (моделей) предложений пользуются знаками, символизирующими морфологические категории (например, существительное в основном падеже — N_l , C_l или $Яя_l$; спрягаемая форма глагола — V_f , Γ или Γ_{cn}) или члены

предложения (подлежащее — *Под.*, сказуемое — *Ск.*, предикат действия — *Пд* и т.д.)¹⁹.

В исследованиях в русле *коммуникативного синтаксиса* для подкрепления своих положений языковеды нередко обращаются к терминологии членов предложения. Так, при раскрытии особенностей коммуникативной перспективы чувашских предложений и роли порядка слов в тема-рематическом членении И.А. Андреев использует понятия подлежащего, сказуемого, обстоятельственного члена (под которым он понимает традиционные обстоятельство и дополнение)²⁰, хотя в самом начале отмечает, что «с точки зрения традиционных понятий о членах предложения порядок слов в предложении не поддается объяснению»²¹. Основную закономерность в актуализации чувашского предложения формулирует таким образом: «...контактную препозицию к сказуемому занимает ядро ремы (компонент, несущий максимальную коммуникативную нагрузку, то есть являющийся смысловым центром предложения. — *А.Д.*), независимо от того, каким членом оно выражено — подлежащим или обстоятельственными словами»²².

Часть вопросов *прагматического синтаксиса* (науки, изучающей функциональные возможности синтаксических конструкций с учетом реалий речевой деятельности) рассматривается также с привлечением анализа синтаксических и морфологических категорий; например, перформативные предложения в большинстве своем содержат так называемые глаголы-перформативы, способные выражать не только информацию, но и действие — *ыйт* «спрашивать, просить», *тархасла* «умолять», *ўкётле* «упрашивать», *сун* «желать», *сён* «советовать, рекомендовать, предлагать» и т.д.

ЧУВАШСКАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ НАУКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Становление и развитие чувашского языкознания в целом характеризуется рядом признаков, присущих для большинства гуманитарных наук в регионах России. Наиболее заметный из них — влияние русской научной традиции. Исследование синтаксического строя чувашского языка на начальных этапах

развивалось фактически по образцу русского языкознания. Это, с точки зрения теоретиков языкознания, вполне закономерное явление, так как «становление национальной традиции или ее варианта (в том числе лингвистики. — А.Д.) обязательно связано с переносом чужих понятий и методики анализа на свой собственный язык»²³.

Из русской лингвистики в чувашскую были заимствованы основные концепции, методы и процедура исследования грамматического строя языка. Как уже отмечалось выше, в чувашской синтаксической науке строение предложения изучалось в пределах концепции членов предложения, которая в свою очередь сводилась в конечном итоге к морфологическим параметрам. Грамматические связи в русском языке оформляются при помощи более разнообразного морфемного материала, чем в чувашском; например, там, где русский язык выражает грамматическое значение формальным (аффиксальным) способом, чувашский язык нередко обходится контактным расположением компонентов, входящих в синтаксическую связь (деревянная лопата — *йывăç кĕреçе*, **деревянной** лопатой — *йывăç кĕреçене*). Кроме того, в русском языке существует более четкое (в отличие от чувашского) формальное разграничение частей речи: однозначное в большинстве случаев разделение словообразовательных и словоизменительных морфем, менее размытое распределение между отдельными частями речи парадигматических и синтагматических грамматических средств (**холодная** зима — *сивĕ хĕл*, в дом проникает **холод** — *пурте сивĕ кĕрет*; **сильный** ветер — *вăйлă çил*, человек с **золотыми** руками — *ылтăн алăллă çын*).

К исследованию строя языка (в том числе грамматического) можно подходить с различных позиций в зависимости от выбранной цели, обусловленной уровнем изученности языка: с целью описания строя языка (описательная лингвистика), нормализации языка (нормативная лингвистика) или объяснения языковых явлений в их взаимосвязях (объяснительная лингвистика). Эти подходы могут как чередоваться в таком порядке, так и развиваться одновременно.

В истории чувашской синтаксической науки можно выделить три периода активного развития, между которыми были промежутки замедления.

Начальный период — это первая четверть XX в., когда появились труды Н.И. Ашмарина²⁴. В них представлены большой массив разработок частных вопросов грамматики чувашского языка с привлечением широкого круга эмпирического материала и ряд теоретических обобщений. В двух частях «Опыта исследования чувашского синтаксиса» ученый рассмотрел особенности строения чувашской речи при помощи анализа синтаксических функций морфологических и лексико-грамматических категорий именных частей речи и глаголов без выделения категорий членов предложения. Эти работы стали плодотворной базой для последующих ступеней развития чувашского языкознания. Как правило, первые научные исследования языка отличаются в целом описательным характером. *Описательная* (или *дескриптивная*) грамматика полно (насколько это возможно) отражает фактическое состояние грамматической подсистемы языка. Но Н.И. Ашмарин в своих изданиях не ограничился описанием, его работы полны идей сравнительного и сопоставительного характера, что соотносится с объяснительным подходом к исследованию.

Следующий период, оставивший заметный след в чувашской синтаксической науке, отличается системным подходом к предмету исследования в рамках концепции членов предложения как единственного метода. Этот период интенсивного изучения чувашского языка пришелся на 1920—1930-е гг., исследования были направлены в основном на решение прикладных задач. Они были связаны прежде всего с практическими потребностями образования, в основном школьного. Повсеместный ввод родных языков в систему общего образования дал импульс комплексной разработке вопросов их грамматики главным образом для издания учебников²⁵. К тому же кардинальные изменения в общественных отношениях и хозяйственном укладе (создание автономной республики, развитие экономики, культуры и искусств, становление художественной литературы, расширение книгоиздания, появление новых газет и журналов и т.п.) требовали общенародного средства общения. На передний план вышел нормативный подход к изучению чувашского языка и надолго утвердился в качестве основного. *Нормативная* (или *предписывающая*, *прескрип-*

тивная) грамматика является оценочной и регламентирующей, занимается характеристикой фактов языкового варьирования с позиций их соответствия норме, отрицает (или критикует) неверные с точки зрения автора конструкции, устанавливает нормы литературного (стандартного) языка.

С середины 1930-х гг. начался спад интенсивности исследования чувашского синтаксиса, это совпало с переходом к приемам нормализации языка, граничащим с жесткой унификацией графической, орфографической, терминологической систем по образцу русского языка. Вопросы нормализации становятся основными (можно сказать, даже единственными) на повестке дня языковедов республики, которые далее занимались уже изучением только чувашского литературного языка, причем письменного его вида (за исключением редких работ по диалектологии). Главная особенность чувашской лингвистики 30-х — середины 50-х гг. XX в. — преобладающая роль идеологических установок даже в такой, казалось бы, далекой от политики области языкознания, как грамматика²⁶.

Начиная с середины 1950-х гг. кроме школьных учебников разрабатывались еще пособия для учителей и студентов высших учебных заведений. Они создавались на принципах описательной и нормативной грамматики²⁷. Известно, что в некоторых случаях описательный подход к изучению языковых фактов входит в противоречие с требованиями нормативных разработок. Такая проблема возникала время от времени на всем протяжении развития чувашской грамматики. В зависимости от восприятия исследователем новых явлений, неизбежных для языка как живого, развивающегося организма, одни и те же факты потенциально оцениваются по-разному. К таким фактам на уровне синтаксиса относятся так называемые синтаксические кальки в чувашском языке, которые в одних случаях оцениваются как нарушение синтаксической нормы чувашского языка, в других — как расширение синтаксических возможностей языка²⁸.

Наиболее результативной для синтаксиса чувашского языка стала деятельность чувашских языковедов с конца 1950-х по 1970-е гг. В этот период произошел поворот от рассмотрения явлений языка с позиций русского языкознания или в

сопоставлении с русским языком к анализу, построенному на данных самого чувашского языка. Удалось отойти не только от ориентированности на структуру русского предложения, но и от практики составления учебных пособий и описаний синтаксической системы языка по привычным шаблонам. Появились интересные работы, в которых учитывались имеющиеся на тот период достижения мировой лингвистики, предметом исследования при этом становилась самобытная структура чувашского языка. Постепенный отход от сопоставительного метода дал возможность взглянуть на явления языка под иным углом, что сразу же привело к заметным результатам. Например, удалось разграничить причастные, деэпричастные и др. обороты от придаточных предложений сложноподчиненного предложения²⁹, определить роль порядка слов в предложении³⁰ и т.д. Появились исследования других (помимо традиционного) аспектов чувашского предложения — коммуникативного (актуальное членение предложения) и семантического (формально-семантические схемы, или модели, предложений).

Данный период характеризуется широким внедрением в методологию изучения грамматики чувашского языкознания объяснительного подхода. *Объяснительная* (или *экспланаторная*) грамматика нацелена «на объяснение особенностей строя языка» и «имеет преимущественно теоретический характер»³¹. Она занимается поиском путей объяснения языковых явлений, причинно-следственных отношений в строе языка. Основная задача — «построить объяснительную модель грамматической системы, т.е. выявить функционально-семантические особенности каждой грамматической единицы и понять функционально-семантические принципы организации грамматической системы»³².

Элементы объяснительного подхода можно заметить уже в трудах Н.И. Ашмарина. Наибольшей объяснительностью в рассмотрении грамматических явлений чувашского языка отличаются труды И.П. Павлова и И.А. Андреева. Стремлением выявить закономерности строения и функционирования грамматических единиц отличаются книги и статьи И.А. Андреева, особенно поздние — опубликованные с рубежа 1980—1990-х гг. по 2010 г.

Современная чувашская синтаксическая наука представляет собой комплексную науку, выполняющую функции описания, нормирования и объяснения. Описательные работы большей частью осуществлены по принципу «от формы к значению (функции)», проблемы функционального характера разработаны недостаточно. При этом описательные труды по своей сути больше тяготеют по своему типу к нормативно-описательным грамматикам современного литературного языка в его письменной форме, а не современного чувашского языка во всех его проявлениях.

Итак, в процессе развития чувашского языкознания нами отмечен ряд особенностей. Во-первых, это господство в течение долгого времени сопоставительного подхода к рассмотрению вопросов грамматического строя чувашского языка; во-вторых, преобладание исследований, ориентированных на практические задачи — удовлетворение потребностей школьного преподавания и выработку норм литературного языка, прежде всего его письменной формы; в-третьих, переключение внимания исследователей на теоретические и практические разработки данных различных уровней строя языка, в том числе синтаксического.

Синтаксис чувашского языка исследовался в основном в одном направлении — традиционном, предмет изучения которого — конструктивные признаки синтаксических единиц. Этот подход основан на анализе компонентов синтаксических единиц, называемых членами предложения, способов и средств связей между ними. Основательно разработан коммуникативный аспект чувашского предложения³³, сделаны первые шаги в изучении его семантической стороны³⁴, в отдельных работах отражены частные моменты прагматического аспекта чувашского синтаксиса³⁵.

В целом же чувашская грамматическая наука до сих пор остается морфологически ориентированной. Анализ синтаксических явлений, как правило, нередко сводится к рассмотрению морфологических категорий, в том числе при изучении структуры предложения. Теоретического осмысления и отражения всей совокупности явлений, относящихся к языку, речи и речевой деятельности, как единой непротиворечивой системы, пока не сложилось.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКИ

Порядок слов в чувашском предложении

Долгое время считалось, что один из главных признаков тюркского предложения — фиксированное расположение слов, имеющее следующий порядок: подлежащее (субъект — **S**), дополнение (объект — **O**), сказуемое (предикат — **V**)³⁶, наиболее типичными являются подлежащее, выраженное именем, и глагольное сказуемое. Н.И. Ашмарин основным для чувашского языка законом («который можно проследить и в других тюркских языках») признает порядок, требующий расположить в начале предложения «подлежащее, которому предшествуют все его определения», затем — «косвенное дополнение... также имеющее перед собой определения», «прямое дополнение», замыкает предложение глагол, перед которым ставятся зависимые от него «наречия и пр.»³⁷.

В.Г. Егоров в книге, изданной в 1930 г., отметил, что в алтайских языках «управляющие слова следуют за управляемыми, так что последнее место в предложении занимает почти всегда сказуемое-глагол, как главный управляющий всем предложением член». Более типичной для них считает следующую схему расположения слов: «...на первом месте стоят по преимуществу второстепенные члены, обозначающие время и место события или действия, выраженного сказуемым, далее следует подлежащее, а за ним слова, обозначающие цель и причину действия, затем косвенные дополнения, прямое дополнение и, наконец, сказуемое. Порядок этот может нарушаться только в поэтическом языке и в эмоциональной речи»³⁸.

Традиционный синтаксис причину отклонения от такого порядка видел или в нарушении нормы, или в использовании специального приема (называемого инверсией) в поэтическом (иногда и в прозаическом) тексте. В действительности же такой твердый порядок следования «нарушается» не только в поэзии и в эмоционально насыщенной или спонтанной разговорной речи.

Механизм этих отклонений С.П. Горский в 1959 г. разъяснил так: «Строй чувашского языка допускает большие колебания в смысле изменения порядка слов в простом рас-

пространенном предложении... измененный порядок слов помогает логически выразить синтаксическую роль слова, уточнить его смысловое значение в тех случаях, когда иными морфологическими и синтаксическими средствами это или совершенно не выражается, или выражается в недостаточной степени... в некоторых случаях логическое подчеркивание слова в предложении одновременно сопровождается и изменением порядка слов, и особым морфологическим оформлением подчеркиваемого слова»³⁹.

По мнению С.П. Горского, постановка глагольного сказуемого (или группы сказуемого с зависимыми членами) в начале предложения объясняется «акцентуацией» для подчеркивания силы, активности действия (пример 1). Та же трактовка приводится и по отношению к постпозиции придаточной части сложноподчиненного предложения (2). А пример с переносом зависимого от сказуемого слова в конец предложения объясняет «не-выделением» этих слов (3)⁴⁰:

(1) <i>Килчѣ ыра суркунне...</i>	«Наступила благодатная весна...»
(2) <i>Тухать куряк сян-сара...</i>	«Прорастает трава густо-прегусто...»
(3) <i>Хѣл куссулѣ шавласа</i>	«Зимы слеза журча
<i>Юхса кайрѣ сырмара</i> ⁴¹ .	Утекла по оврагу».

Можно привести еще несколько примеров из этого же классического произведения К.В. Иванова «Нарспи»:

(4) <i>Хытѣ тытатъ пулмалла</i>	«В строгости держит, кажется,
<i>Хый арѣмне Тѣхтаман.</i>	Свою жену Тахтаман».
(5) <i>Йытѣ ури айѣнче</i>	«Под лапами собак
<i>Шатѣртататъ сѣм вѣрман.</i>	Трещит темный лес».
(6) <i>Кѣмѣл некѣх ялтѣратъ</i>	«Серебром переливается
<i>Шывѣ хѣвел сѣтинче.</i>	Вода на солнечном свету».

При формулировке предложения по схеме **SOV**, которая постулируется традиционным синтаксисом, порядок слов в этих примерах должен был быть следующим: (4) *Тѣхтаман хый арѣмне хытѣ тытатъ пулмалла* «Тахтаман свою жену в строгости держит, кажется»; (5) *Сѣм вѣрман йытѣ ури айѣнче шатѣртататъ* «Темный лес под лапами собак трещит»; (6) *Шывѣ хѣвел сѣтинче кѣмѣл некѣх ялтѣратъ* «Вода на солнечном свету серебром переливается».

Случаи предшествования сказуемого подлежащему обычно квалифицируются как исключения из правил. Однако на

практике такая схема предложения является достаточно распространенной, и не только в разговорной речи. Встречаются они и в письменных текстах, в том числе в прозаических. Приведем несколько примеров из произведений чувашских писателей, в скобках — сокращенная схема предложения: — **Каймастӑн энӗ санпа (VSO)**, — *арсын ача аллинчен каялла туртса илчӗ сумкинӗ Натали* (Г. Краснов) «— Не пойду я с тобой, — Натали забрала свою сумку из рук мальчика обратно». *Ӑпӑр тапӑр купи айӑнче, сурри ишӗлнӗ лупасра шыраса тупрӗ нӑхреп ашине Семен Яковлевич (VOS)* (А. Аслут) «Под кучей всякой всячины, в наполовину разрушенном сарае разыскал вход в погреб Семен Яковлевич». **Кӑреҫине хытӑрах ярса тытатӑ вӑл (OVS)** (А. Тарасов) «Он лопату схватил крепче». **Энӗ ниҫта та каймастӑн килтен (SVO)** (Е. Никитин) «Я никуда из дома не пойду».

Проблема противоречивости утверждения о фиксированном (несвободном) порядке слов в чувашском предложении и фактов из речи — практически решена. Выход был найден после обращения внимания на коммуникативный аспект предложения. То, что на уровне грамматического подхода трактовалось как инверсия (перестановка) для выражения экспрессивности, с точки зрения его коммуникативного назначения оказалось вполне закономерным и нейтральным в отношении экспрессивности явлением.

Коммуникативная структура (или, по-другому, актуальное членение) чувашского предложения, как мы уже отметили, впервые детально рассмотрена И.А. Андреевым⁴². Выяснилось, что для синтаксического строя чувашского языка подошли результаты исследований представителей Пражской лингвистической школы⁴³ и разработки метода непосредственно составляющих⁴⁴: линейное разворачивание чувашского предложения в своей коммуникативной перспективе четко делится на исходный компонент высказывания, который или уже известен (*данное, тема*), и саму информацию об этом компоненте, которая сообщается (*новое, рема*). Таким образом, первая часть — это предмет речи (то, что известно; то, ради чего строится высказывание), вторая часть — это новые сведения об этом предмете (то, что сообщается нового об известном предмете). Наиболее значимые слова (словосочетания) предложения располагаются

в предсказуемой контактной позиции (то есть непосредственно перед сказуемым). Кроме позиции в предложении в актуализации того или иного слова высказывания (то есть придания слову наибольшего информационного веса) могут быть задействованы частицы и их аналоги, редупликация (различные виды повторов), интонация и некоторые другие приемы.

Следует обратить внимание на один принципиальный момент: называя тему (данное) предметом высказывания, мы не имеем в виду подлежащее (наиболее известное определение которого содержит фразу «это главный член, обозначающий *предмет мысли*»), позицию темы может занимать и обстоятельство, и дополнение.

И.А. Андреев отметил, что порядок слов в чувашском языке в целом «гораздо свободнее, чем принято об этом думать». Порядок слов устойчив лишь «в малых синтагмах — в них определяющий элемент всегда предшествует элементу определяемому», а порядок размещения структурных частей самого предложения зависит от того, о чем сообщается в предложении и какая его часть несет наибольшую информационную нагрузку (в терминологии И.А. Андреева — «смысловое ядро», чув. *шухайш тейиши*). При этом сказуемое как грамматическая вершина предложения обычно сохраняет позицию в конце предложения (так называемый прогрессивный порядок слов в предложении, когда тема предшествует реме), «однако никаких ограничений, кроме смысловых, по его продвижению к началу предложения не имеется»⁴⁵. Сказуемое в начале предложения или на втором месте от начала оказывается в случае предшествования ремы (новой информации) теме (известной информации), это — регрессивный порядок слов. Инверсия, по мнению И.А. Андреева, наблюдается только в случаях, когда «сказуемое покидает свое место в конце предложения (опять-таки в пределах прогрессии). По отношению к порядку расположения других членов предложения понятие инверсии представляется неприемлемым»⁴⁶.

Таким образом, порядок слов в чувашском предложении выполняет не столько грамматическую, сколько коммуникативную функцию. Слово (словосочетание), выражающее предмет сообщения (то, о чем хочется сказать), обычно находится в начале предложения. Слово (словосочетание), выражающее

основную часть сообщения (смысловое ядро, коммуникативный центр), — непосредственно перед сказуемым. Это — прямой порядок слов, наиболее типичный для чувашского языка.

И.А. Андреев отметил, что порядок расположения слов в чувашском предложении играет значительную роль. С одной стороны, он выполняет грамматическую функцию. Порядок слов является способом связи компонентов в словосочетании — в сочетаниях без формальных показателей связи, которые иногда трактуются как примыкание (в число которого некоторыми лингвистами включаются изафет первого типа, сочетания *прилагательное + существительное, прилагательное + глагол, наречие + глагол* и т.д.)⁴⁷. В структуре предложения фиксированное место есть у определения, которое всегда стоит перед определяемым, у дополнения и обстоятельства при прямом порядке слов — перед сказуемым. Во-вторых, порядок слов осуществляет коммуникативную функцию, является способом актуального членения — выделения темы и ремы, смыслового центра высказывания⁴⁸. Относительно свободный словопорядок зависит от коммуникативных функций в предложении. Относительно — так как при отсутствии формальных показателей (специальных частиц и их аналогов, повтора и некоторых других) смысловой центр высказывания при прямом порядке занимает фиксированную позицию — перед предикатом (сказуемым).

Современная научная и учебная литература создается в основном с учетом разных функций словопорядка в предложениях чувашского языка⁴⁹.

Трактовка членов предложения

На неоднозначность принципов выделения и определения статусов членов предложения указывают лингвисты, изучающие грамматический строй разных языков, в том числе русские и чувашские лингвисты. В отечественном языкознании концепции членов предложения, его обоснованию, развитию и критике уделено много внимания.

Концепция членов предложения в чувашской синтаксической науке имеет весьма запутанный характер. Попытаемся перечислить наиболее заметные противоречия, взяв за основу идеи И.А. Андреева, детально рассмотревшего вопросы, свя-

занные с анализом структуры предложения в рамках традиционного синтаксиса.

Проблемой является определение членов предложения по способу оформления (по их морфологии): 1) один и тот же член предложения может иметь разные формы или же выражаться словами совершенно разных частей речи; 2) одна и та же форма слова в одних контекстах трактуется как один вид члена предложения, в других — как другой. Так, в чувашском языке имя существительное в основном падеже может выполнять функции подлежащего (*Инженер ёсе ирех ситрĕ* «Инженер прибыл на работу рано утром»), сказуемого (*Манăн пичче инженер* «Мой старший брат — инженер»), определения [*Аркаш аялтан йывăç сенĕкпе кĕлте парать...*] (Л. Маяксем) «Аркаш снизу деревянными вилами подает снопы...», дополнения [*Каврук вутĕ купалать* (В. Ухли) «Каврук складывает поленья»], обстоятельства [*Ситес вырсарникун килсе курăр* (А. Артемьев) «Навестите в следующее воскресенье»]. Постановка вопроса (рекомендуемая в школьной практике как основной метод распознавания члена предложения) тоже не может быть безоговорочным выходом из ситуации. Для чувашского языка этот прием даже более уязвим, чем для русского языка. Например, если в русском языке определения и обстоятельства образа действия отвечают на разные вопросы (*какой* и *как* / *каким образом*), то в чувашском — чаще всего на один (*мĕнле* / *епле*); и те, и другие выражаются прилагательными; разница в синтаксических связях — относятся к имени или к предикативному признаку (другого признака).

Главные члены предложения (подлежащее и сказуемое) определяются по формальному признаку; по семантическому (функциональному) признаку; по форме и семантике одновременно. При чисто формальном подходе к определению главных членов предложения (подлежащее и сказуемое, взятые вместе) выявляется грамматическая (предикативная) основа предложения, которая фактически ничего не сообщает о содержании высказывания. К тому же выделение подлежащего и сказуемого вызывает не имеющие на сегодняшний день однозначного ответа вопросы: «Что главное в двусоставном предложении — подлежащее или сказуемое?»; «Каким членом является главный член односоставного предложения?».

Второстепенные члены предложения интерпретируются как компоненты предложения, не входящие в предикативную основу и поясняющие главные или другие второстепенные члены. Выделяется разное количество видов и подвидов второстепенных членов, которые имеют довольно противоречивое толкование.

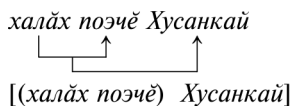
Определение устанавливается на основе функции по отношению к морфологической категории (а не к синтаксической): как член предложения, обозначающий признак предмета, то есть имени существительного или единицы другой части речи в субстантивной функции. В чувашском языке выражается именем прилагательным или единицами других частей речи в функции наименования качества предмета. В отличие от русского языка чувашское определение с определяемым им именем существительным не согласуется. Показателем их синтаксической связи является порядок расположения слов (определение всегда занимает позицию непосредственно перед определяемым им словом). Имя прилагательное в чувашском языке, кроме определения, может: а) находиться в синтаксической связи с глаголом и выполнять функции обстоятельства: *Сидоров аван вулат* «Сидоров читает **хорошо**»; б) обозначать предикативный признак и быть сказуемым: *Таван килте аван* «В родном доме **хорошо**». С другой стороны, в чувашском языке функцию определения может выполнять наречие (основная функция которого — обстоятельственная): *Юнашар урамра сёнь сурт сёкленет* «На **соседней** улице строится новое здание».

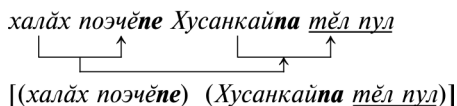
В русской грамматике выделяют приложение как особый вид определения, выражающееся именем существительным, согласующимся с определяемым словом в падеже. С.П. Горский отметил в чувашском языке практически все типы приложений, присущих русскому языку: приложения — собственные имена (*Палля пичче* «дядя Палля», *«Хыпар» хаçат* «газета “Хыбар”», *Верук-чиперук* «Верук-красавица»), заимствованные из русского языка словосочетания с приложениями, оформляемые на письме через дефис (*телефон-автомат*, *летчик-космонавт*), в том числе полукальки (*хёрарам-врач* «женщина-врач») и др.⁵⁰

М.Ф. Чернов отметил, что в тюркских языках функция определения является типичной для имени существительного, в связи с чем «способность приложений выражаться именами

существительными не может служить основным признаком для их отграничения от собственно определений»⁵¹, однако один из компонентов расширенных именных словосочетаний рассматривает в качестве приложения⁵². Скажем, в таких примерах, как (1) *халӑх поэчӗ Хусанкай* «народный поэт Хузангай», (2) *халӑх поэчӗне Хусанкайна [тӗл пул]* «[встречаться] с народным поэтом Хузангаем» М.Ф. Чернов в качестве определяемого (главного) слова выделяет слово *поэчӗ*, в качестве определяющих — *халӑх* (определение) и *Хусанкай* (приложение); в примере (2), по его мнению, определяемое слово *поэчӗ* и определяющее слово *Хусанкай* согласуются в падеже и числе, следовательно, последнее является приложением.

И.А. Андреев, рассмотрев членение подобных словосочетаний (он предпочитает термин «синтагма») в предложении иначе, пришел к убедительному выводу: говорить о приложении причин здесь нет. В примерах типа *халӑх поэчӗне Хусанкайна тӗл пул* «встречаться с народным поэтом Хузангаем» он видит разделение именной синтагмы при соединении ее с глаголом; при этом именная синтагма перестает быть сложной, и бывшая определяющая часть *халӑх поэчӗ* (являющаяся простой именной синтагмой) вступает в соединение с глагольной синтагмой *Хусанкайна тӗл пул*⁵³:

халӑх поэчӗ Хусанкай

 [(халӑх поэчӗ) Хусанкай]

халӑх поэчӗне Хусанкайна тӗл пул

 [(халӑх поэчӗне) (Хусанкайна тӗл пул)]

Наличие в чувашском языке остальных типов приложений, выделенных его предшественниками, И.А. Андреев также отверг при помощи вполне убедительных аргументов⁵⁴. Да и в русском языкознании отмечается существование проблемы отделения сложных слов от слов с приложением; граница между ними достаточно условна⁵⁵.

Дополнение устанавливается на основе функции по различным отношениям (которые могут быть объектными, инстру-

ментальными, совместными и т.д.) к синтаксической категории (к сказуемому). Как правило, выражается существительными (в чувашском еще и соотносительными с существительными по своим грамматическим свойствам местоимениями, числительными, прилагательными и др., а также субстантивированными формами единиц других частей речи). В чувашском языке, в отличие от русского, дополнения выражаются формами не только косвенных падежей, но и основного (в том числе в сочетании с послелогом). С другой стороны, формами косвенных падежей имени могут быть выражены и определения, и обстоятельства. В русской синтаксической традиции выделяют дополнения прямые и косвенные, в свое время этот подход был перенят и чувашскими языковедами⁵⁶, после выхода И.А. Андреева в чувашском языкознании такая точка зрения постепенно перестала обсуждаться⁵⁷.

Обстоятельства устанавливаются на основе функции по различным отношениям (которые могут быть пространственными, временными, причинными, целевыми, условными, уступительными и т.д.) к синтаксической категории (к сказуемому). В чувашском языке выражается наречием, деепричастием, инфинитивом, именем прилагательным, именем существительным (или соотносительным с ним по грамматическим признакам словами) в форме некоторых падежей (например, пространственных — дательного, местного, исходного), сочетании имени и послелога.

Таким образом, в целом основными замечаниями, относящимися к концепции членов предложения, выступают следующие:

1) разноуровневость критериев выделения — по частеречной принадлежности (глагол — сказуемое), по формальным показателям (имя существительное в основном падеже — подлежащее), по семантике отношений (связей) между частями предложения (объектные отношения между глаголом и именем в косвенном падеже — синтаксическая связь между сказуемым и дополнением) и по ряду других;

2) один и тот же член предложения выражается единицами разных частей речи [*Йывăç* (определение — существительное) *çуртра чул* (определение — существительное) *çуртринчен*

сывлӓш усьрах «В деревянном доме воздух свежее, чем в каменном доме»; *Хёрлӓ* (определение — прилагательное) *ялав вӓлкӓшет* «Развевается красный флаг», единицы одной и той же части речи могут нести разные синтаксические функции, то есть могут быть разными членами предложения [*Аван* (прилагательное — определение) *ача аван* (прилагательное — обстоятельство) *вӓренет* «Хороший ребенок учится хорошо»];

3) разграничение по форме (формальный подход к трактовке членов предложения) не дает однозначных трактовок; слова в одной и той же форме, в зависимости от ситуации, могут трактоваться в качестве разных членов предложения: например, формы дательного, местного, исходного падежей — и как обстоятельство (*Эпӓ вӓрмантан таврӓнтӓм* «Я вернулся из леса»), и как дополнение (*Ку кӓнекене эпӓ юлташран илтӓм* «Эту книгу я взял у товарища»), и как определение (*Урамри йывӓссем хӓрса тирӓс* «Деревья, что на улице, засохли»);

4) попытку определить по семантике также невозможно назвать безоговорочно успешной; один и тот же член предложения в некоторых случаях можно трактовать и как дополнение, и как обстоятельство [*Хулара атӓна тата пушмакна* (мӓнле? или мӓнпе?) *сӓрессӓ* «В городе ходят в сапогах да в ботинках (как? или в чем?)»].

Из-за попыток определения сразу по двум основаниям (по форме и по функции или значению) возникают трудности при разграничении членов предложения (дополнение ↔ определение, дополнение ↔ обстоятельство), при определении границ членов предложения (определение + подлежащее ↔ составное подлежащее; дополнение/обстоятельство + сказуемое ↔ составное сказуемое).

Таким образом, в основе классификации признаков членов предложения лежат разные аспекты: главные члены предложения определяются преимущественно по формальным показателям; второстепенные — на основе смыслового критерия с учетом формальных признаков или связей с другими компонентами предложения. Постановка морфологического вопроса не гарантирует точного определения члена предложения, так как в некоторых случаях можно задать не один вопрос (например, падежный или обстоятельный).

Традиционное учение о членах предложения не способно объяснить все явления синтаксиса чувашского языка. И.А. Андреев в своих трудах предложил отказаться от понятий *составной член предложения, именное и глагольное сказуемое, косвенное и прямое дополнение, согласованное и несогласованное определение, приложение как вид определения*, от разделения второстепенных членов предложения, зависимых от сказуемого (и других второстепенных членов), на *дополнения и обстоятельства*. Кроме того, существуют проблемы в выделении и определении статуса главных членов предложения односоставного предложения. Семантика синтаксических явлений в ряде случаев входит в противостояние с формальной стороной.

В последние два-три десятилетия XX в. в синтаксической науке произошел пересмотр ряда вопросов, касающихся иерархии компонентов в структуре предложения⁵⁸. Так, несмотря на то, что в учебной литературе утверждается, что сказуемое — зависимый от подлежащего член предложения (так как сказуемое согласуется с подлежащим в числе и лице, в русском языке — еще в роде), в современной теории лингвистики преобладает идея о вершинном (то есть центральном) положении в предложении сказуемого, потому что именно оно является связующим звеном предложения с реальной действительностью⁵⁹. В качестве центральной единицы любого предложения в таком случае рассматривается сказуемое, прежде всего глагольное. Так называемое именное сказуемое интерпретируется в одних случаях как именная часть составного сказуемого с пропущенным глаголом, в других — как предикцирующий признак (имя прилагательное или категория состояния в функции предиката)⁶⁰.

С точки зрения синтаксической семантики меняется ракурс рассмотрения соотношения логического субъекта и логического объекта, с одной стороны, и формально выраженных подлежащего, дополнения — с другой, допуская возможность выражения подлежащего существительным в косвенном падеже. В таком случае приходится допускать, что в предложении *Манӑн киле каяс пулать* «Мне следует отправиться домой» (то есть «Я должен отправиться домой») подлежащим является слово *манӑн*, так как оно является носителем предикативного признака *каяс пулать*. С этим связано еще одно противо-

речие синтаксиса — трактовка типологии предложений по наличию структурных элементов (на этом остановимся ниже).

Как показывает наш обзор, в рамках синтаксиса членов предложения сочетать все стороны компонентов предложения (форму, семантику и функции) и выстроить единую непротиворечивую систему, скорее всего, невозможно. Выход здесь, на наш взгляд, можно найти в поаспектном рассмотрении предложения. С позиций традиционного синтаксиса определять главные члены предложения прежде всего по их формальным признакам (с учетом их грамматической семантики), второстепенные — в первую очередь по семантико-грамматическим признакам (этого, в принципе, и придерживается современный синтаксис чувашского языка, основанный на концепции членов предложения). С позиций семантического синтаксиса необходимо рассмотрение содержательной структуры предложения в соотношении с отражаемой в них реальностью.

Обособление в чувашском предложении

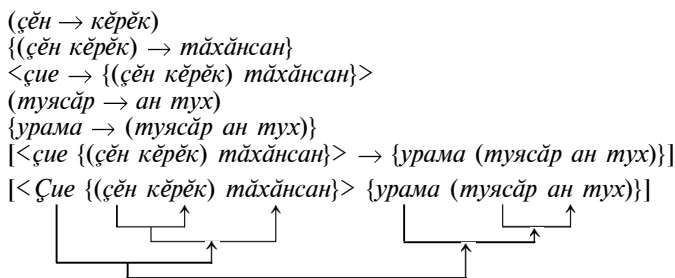
В отечественной лингвистике из явлений, осложняющих предложение (однородные члены предложения, вводные и вставные конструкции, обращения, пояснительные и присоединительные конструкции), наиболее спорными остаются обособленные слова и обособленные конструкции.

В современном языкознании сложились различные подходы к выбору главной характерной черты обособления — интонационный (пунктуационный), грамматический, семантико-грамматический, смысловой и т.д. При этом под понятие обособления подводятся случаи разного порядка, которые соотносятся с аспектами конструктивного и коммуникативного уровней предложения.

В чувашском языкознании тема обособленных членов предложения впервые появилась в школьных учебниках чувашского языка, написанных на примере русских учебников и по шаблону русской грамматики. С 1960-х гг. основным разработчиком этой темы стал М.Ф. Чернов⁶¹, рассмотревший обособленные определения и приложения, обстоятельства, дополнения, так называемые уточнения. И.А. Андреев оценил эту работу как выполненную «под влиянием русской грамматической

традиции»⁶², а концепция, изложенная в ней, «не столько объясняет причины обособления, сколько оправдывает сложившийся на практике и частично узаконенный правилами порядок обособления некоторых конструкций знаками препинания»⁶³. Отметив, что подбор материала для исследования осуществлен не на принципах, основанных на особенностях грамматического строя языка, а исходя из правил пунктуации, к тому же весьма противоречивых (так как при их создании руководствовались готовыми схемами русской пунктуации, а не особенностями грамматического строя чувашского языка), И.А. Андреев утверждает, что в интерпретации М.Ф. Чернова «получается замкнутый круг: такие-то слова и обороты должны в письме обособляться запятыми по той причине, что они являются обособленными членами, а обособленными членами они должны считаться потому, что в письме выделены запятыми»⁶⁴.

Расположение некоего второстепенного члена предложения в дистантной позиции от определяемого слова достаточно просто объясняется при подходе к строю предложения с точки зрения грамматики непосредственно составляющих и членения предложения по синтагмам: «...если исходить из того, что в синтагматической цепи знаки и синтагмы могут быть соотнесены не только с другим знаком, но и с синтагмой в целом, то вопрос об обособленных членах предложения встает перед нами в совершенно ином свете. В этом случае основания для обособления многих слов и оборотов устраняются сами собой»⁶⁵. Пословицу *Çие çён кёрёк тăхăнсан урама туясăр ан тух* «Коль наденешь новую шубу, без палки на улицу не выходи», в которой часть *çие çён кёрёк тăхăнсан* относится не к следующему за ней слову, а к сказуемому *ан тух* (в связи с этим ранее здесь предусматривалось обособление), он предлагает расчленить на синтагмы:

При таком членении часть *сие сён кёрёк тăхăнсан* образует смысловую пару не просто со сказуемым *ан тух*, а со всей группой *урама туйсăр ан тух*, и «никаких оснований для их обособления не остается»⁶⁶.

Еще одна группа единиц, причисляемых к обособленным членам предложения, — слова или обороты, грамматически не входящие ни в состав подлежащего, ни в состав сказуемого, а относящиеся ко всей грамматической основе предложения, распространяющие его в целом и не связанные ни с каким отдельным его членом. Второстепенный член предложения с подобными характеристиками Н.Ю. Шведова определила как детерминирующий член⁶⁷. По мнению И.А. Андреева, они являются обычными дополнениями или обстоятельствами, просто соединяются со всей остальной частью предложения в целом, при этом считать их обособленными членами оснований тоже нет⁶⁸. Например, в предложении *Вут хутмасăр тётём тухмасть* «Без огня дыма не бывает» часть *вут хутмасăр* соединяется с подлежащим и со сказуемым *тётём тухмасть* в целом.

При всем критическом отношении к трактовке обособления М.Ф. Черновым, И.А. Андреев частично соглашается с рядом его интерпретаций⁶⁹. Однако остается при мнении, что правила расстановки знаков препинания должны служить не для разграничения и объяснения грамматических явлений языка, основное назначение пунктуации — содействие правильному, недвусмысленному пониманию содержания текста.

Когда в 90-е гг. прошлого века и в нулевые годы XXI в. между И.А. Андреевым и М.Ф. Черновым развернулась дискуссия по проблемам синтаксиса простого осложненного и сложноподчиненного предложений, категорий предикативности, полипредикативности и полупредикативности⁷⁰, оба оппонента остались при своем мнении. Отстаивая свой взгляд на проблему обособления в чувашском языке, М.Ф. Чернов издал курс лекций по этому вопросу для студентов Чувашского государственного университета, где он преподавал⁷¹. И.А. Андреев в новой книге по синтаксису чувашского языка уделил рассмотрению этой темы совсем мало внимания, коснувшись ее еще при изложении своих взглядов на приложение и детерминант⁷².

Типология простых предложений по представленности структурных элементов

Вопросы двусоставности и односоставности, полноты и неполноты, распространенности и нераспространенности предложений, соотношения терминов «односоставность», «эллипсис» и «контекстуальная обусловленность», а также связанные с этим вопрос «Что считать главным членом или главными членами предложения?» и тема односоставного предложения и атрибуции главного члена в нем — вот краткий перечень проблем в синтаксической науке, имеющих отношение и к концепции членов предложения, и к семантическому аспекту предложения.

Существует проблема определения номинативных предложений и интерпретации главного члена в нем; например, в русском языкознании для одних главный член предложения является подлежащим (это преобладающее мнение, в том числе в школьной грамматике; в чувашском языкознании этот взгляд практически единственный), для других — особым главным членом (не подлежащим и не сказуемым): главным членом односоставного предложения. Противоречиво определение предложения в части, касающейся понимания предикативности (под которой понимается языковая единица, выражающая соотношение содержания предложения с действительностью), когда речь заходит об односоставных номинативных предложениях (если главный член номинативного предложения подлежащее, что же является носителем предикативного признака, который, как мы уже отметили, является связующим звеном предложения с реальной действительностью)⁷³. Наиболее рациональной позицией является, на наш взгляд, считать основную единицу односоставного предложения просто главным членом предложения, хотя формально они могут напоминать или подлежащее [в номинативных предложениях: *Tuśmelle mar iŕñpärt iŕñlăx* (М. Карягина) «Невыносимая безмолвная тишина»], или сказуемое [*Vat şerşie xıvăxna ultalaimăn* (Пословица) «Воробья на мякине не проведешь»].

Нет bezоговорочно однозначного объяснения противоречий в дифференциации неполных двусоставных предложений и односоставных предложений, распространенных и нераспростра-

ненных предложений. Этот вопрос тесно связан с указанными выше проблемами разграничения второстепенных членов, а также разграничения осложненных простых и сложных предложений. В традиционной синтаксисе односоставные предложения выделяются то по семантике, то по форме; в результате в один класс попадают семантически неоднородные элементы. Распространенность-нераспространенность предложения имеет тесные связи с вопросом составных членов предложения (прежде всего — главных); например, в предложении *Анчах çапăсу сухатусăр пулмасть* (М. Юхма) «Но битва не бывает без потерь» можно выделить или простое глагольное сказуемое *пулмасть* с распространением дополнением *сухатусăр*, или составное сказуемое *сухатусăр пулмасть*, обосновав это тем, что грамматическая основа *çапăсу пулмасть* имеет иной смысл, чем смысл предложения в целом.

Проблему представляет наличие грамматического объекта, выражающего значение логического субъекта в форме неосновного падежа, в безличном предложении. Например, в предложении *Шăллăмăн ыран экзамен памалла* «Брату завтра сдавать экзамен» действующим лицом является брат, но формально этот член предложения — не грамматический субъект (подлежащее), а объект (дополнение). Вероятней всего, выходом из этой ситуации может быть поэтапный анализ строя чувашского языка по отдельным аспектам предложения, так как понятия субъекта и предиката не всегда выражаются подлежащим и сказуемым, это единицы разных уровней предложения: первые — семантического, вторые — традиционного (грамматического, конструктивного).

К этой же группе нерешенных вопросов чувашского синтаксиса относится и следующая проблема. В рамках традиционного синтаксиса сложно объяснить идею о существовании предложений без предиката (без предикативного центра), выдвинутую И.А. Андреевым и поддержанную Ю.М. Виноградовым. Они поставили в один ряд с предложениями с двумя главными членами (в классическом традиционном синтаксисе — двусоставные предложения) и предложениями с одним главным членом (односоставные предложения) и так называемые предложения без главного члена (имеются в виду предложения «вообще без главных членов»).

Данная проблема, хотя упоминалась в отечественной лингвистике довольно давно⁷⁴, до сих пор не получила должного внимания. В связи с этим хотелось бы остановиться на ней более подробно. И.А. Андреев в ряде своих последних публикаций раз за разом обращает внимание на такие нетипичные, но распространенные (особенно в пословицах, реже в текстах народных песен) структурные образцы предложений: *Кама тилĕ тăлăнĕ, кама — алăк хăлăнĕ* «Кому — лисья шуба, а кому — дверная ручка (то есть кто-то должен уйти)»; *Кушака кулă, шийши вилĕм* «Кошке забава, мышке — смерть»⁷⁵. Эту тему он обсуждает и в вводной части учебной программы чувашского языка для так называемых чувашских школ, разработанной им в 2002 г.⁷⁶, однако в самой программной части ее не упоминает⁷⁷. В варианте программы 2013 г., разработанной на основе программы И.А. Андреева после его смерти (его фамилия включена в состав группы составителей), уже в программной части четко написано: «Тĕп членсăр (подлежащие, сказуемые с харăсах иккĕшĕсĕр) предложением»⁷⁸ [Предложения без главного члена (бесподлежащие, бессказуемые) или без обоих главных членов]. Достаточно подробно представлена эта тема в данной трактовке и в школьном учебнике для 8-го класса⁷⁹; примечательно, что все примеры без исключения взяты из фольклора, являются пословицами или поговорками.

На наш взгляд, целесообразность включения данной трактовки именно в таком виде в школьное преподавание чувашского языка вызывает серьезные сомнения. Во-первых, распространенной практикой является внедрение в школьный курс только устоявшихся в науке концепций, новым и недостаточно апробированным идеям отводится место в лучшем случае в программах факультативных занятий. Во-вторых, чисто теоретически такая интерпретация подобных структурных типов выглядит уязвимой. Рассмотрение предложения в традиционном аспекте предполагает обязательное наличие единицы с предикативным значением. Полное отрицание такой единицы и оправдание отнесения таких структур к понятию предложения только с наличием тема-рематического представления [«Тĕп членсем иккĕшĕ те сук предложенисенчи сăмахсене пĕр-пĕринпе вĕсен содержанияйĕ (темăпа рема пурри) кăна сыхăнтарать» (В предложениях без обоих главных членов предложения слова

объединяются только содержанием, то есть только наличием темы и ремы)^{80]} выглядит неубедительно и противоречиво, приводит не к решению проблемы, а в тупиковую ситуацию. Для синтаксических единиц с подобным строем требуется специальное исследование с учетом сферы их распространения (стилистической характеристики) и поаспектного подхода (требуется комплексный анализ с точки зрения разных аспектов).

В четком разделении параметров *структурно-грамматического* (с упором на формальной стороне грамматических единиц при выделении членов предложения, при определении структурных типов предложения), *семантического* (с особым вниманием к значению компонентов и содержательной стороне предложения в целом), *коммуникативного* и *прагматического* (с учетом характеристик предложения, связанных с использованием их в речи) аспектов при изучении этих и ряда других синтаксических явлений, скорее всего, и есть выход из тупика и возможность получения конкретного решения проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив основные спорные вопросы чувашской синтаксической науки, мы пришли к следующим обобщениям. Предложение — основная синтаксическая единица, характеризующаяся формальным строением, выражающим грамматические значения (грамматический аспект предложения, отвечающий на вопрос «Как устроено предложение?»), актуальным членением (коммуникативный аспект, отвечающий на вопрос «Что нового сообщается предложением?»), комбинацией общей семантики и значений компонентов (семантический аспект, отвечающий на вопрос «О чем говорится в предложении?»), определенным местом в речевом действии (прагматический аспект, отвечающий на вопросы «Зачем?», «Каково намерение автора предложения?»).

Исследование синтаксического строя чувашского языка проводилось до сих пор большей частью в традиционном (средством анализа конструктивной структуры в рамках концепции членов предложения) и коммуникативном (рассмотрение в рамках актуального, или тема-рематического, членения предложения) направлениях. Попыток систематического описания се-

мантического строя чувашского предложения, можно сказать, и не предпринималось; есть только неполные списки семантических моделей предложений, основанных на морфолого-синтаксических признаках их компонентов. Затрагивалась в той или иной мере часть вопросов, относящихся к прагматическому аспекту чувашского синтаксиса (правда, трактовались они с иных позиций): риторические восклицания и риторические вопросы, объективная и субъективная (прежде всего оценочная) модальность, косвенные речевые акты (например, просьба в форме вопроса), этикетные формулы, которые, с одной стороны, имеют непосредственное отношение к внеязыковой сфере общения и влияют на остальные стороны (в том числе грамматическую) строения предложения — с другой.

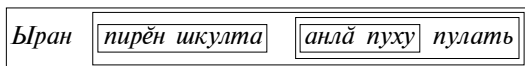
Анализ особенностей реализации чувашской языковой системы в речи современных чувашей актуален и в связи с фактически полным двуязычием чувашей и мощным влиянием на чувашский язык русского языка. Смещение в сознании систем двух таких разных по грамматическому строению языков приводит к заметным интерференционным явлениям, что проявляется во всех функциональных вариантах чувашского языка (от разговорного и публицистического до языка художественной литературы). Изучение проблем различных аспектов чувашского предложения с применением современных методов исследования даст возможность более точно определить характерные черты грамматического строя чувашского языка и найти решение для ряда спорных вопросов чувашской синтаксической науки.

Каждый из аспектов предполагает свое разложение предложения на составные части, но в целом структурные черты аспектов предложения имеют взаимопроникающий и взаимосвязанный характер.

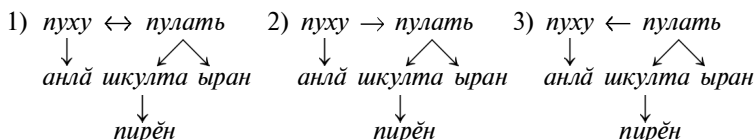
Линейное разворачивание компонентов чувашского предложения коррелирует с коммуникативной перспективой предложения. Членение предложения в данном аспекте (на тему и рему) близко к методу грамматики непосредственно составляющих, при котором структура предложения представляется как одноплановая линейная цепь бинарных синтагм (сочетаний непосредственно составляющих — главного и зависимого компонентов), каждая из синтагм может быть непосредственно со-

ставляющей более крупной синтагмы. Синтаксическую структуру предложения можно представить «в виде иерархии вложенных друг в друга элементов»⁸¹.

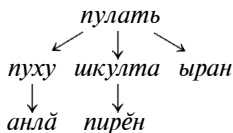
{*Ыран* ^{TP} [(*пирён шкулта*) < (*анлӓ пуху*) *пулать*>]}

Грамматическое членение предложения (рассмотрение по членам предложения) не всегда вписывается в линейную структуру чередования слов в предложении (даже при прямом порядке слов) прежде всего по причине неоднородности отношений между компонентами. В качестве подлежащего в таком случае выступает компонент с семантикой субъекта в форме основного падежа. Отношения между главными членами предложения можно трактовать: 1) как взаимонаправленность; 2) как зависимость сказуемого от подлежащего, так как формы числа и лица сказуемого, как правило, зависят от подлежащего; 3) как зависимость подлежащего от сказуемого (носителя предикативности, связывающего содержание предложения с действительностью):

Схему предложения можно показать в виде модели, выстроенной по принципам грамматики зависимостей, когда предложение представляется как совокупность слов и синтаксических связей между ними с центральным положением предиката (чаще всего — глагольного сказуемого) и субъекта (подлежащего) в роли одного из актантов.

Такое схематическое представление больше соответствует семантическому аспекту предложения.

Итак, для решения спорных на сегодняшний день вопросов необходимы многосторонние исследования синтаксического строя чувашского языка: дальнейшее развитие традиционного подхода (с отмежеванием элементов, имеющих отношение к семантической и коммуникативной сторонам) и активная разработка семантического, коммуникативного и прагматического аспектов. Традиционный синтаксис (синтаксис членов предложения) держится на связи с морфологическим строем языка и базируется непосредственно на нем. Уточнение проблем морфологического характера (в первую очередь в свете теории первичной и вторичной синтаксических функций) позволит внести ряд корректив в этой сфере синтаксиса. Уровень традиционного синтаксиса, достигнутый на сегодняшний день, позволил решить множество практических задач, в частности, выстроить рациональную систему пунктуационных правил.

Исследования в области семантического, коммуникативного и прагматического направлений должны быть направлены, на наш взгляд, на уточнение специфики строя чувашского предложения и способствовать решению проблем грамматической интерференции в чувашском языке.

В данном докладе мы предприняли попытку представить обзор истории и итогов изучения синтаксического строя чувашского языка, выявить наиболее актуальные задачи и наметить возможные пути преодоления некоторых противоречий, сложившихся в чувашском языкознании. Основной вывод, по нашему мнению, заключается в том, что разрешить противоречия можно путем поаспектного анализа предложения с последующей систематизацией взаимоотношений и связей их особенностей.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Онипенко Н.К.* Трудные вопросы русской грамматики и современные лингвистические концепции в школьном преподавании // Русская словесность. 2014. № 6. С. 6.

² *Андреев И.А.* Смысловая и грамматическая структура предложения // Халӑх шкулӗ = Народная школа. 2006. № 3. С. 69.

³ *Алматов В.М.* Описание языка и родной язык лингвиста // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 4. С. 24.

⁴ *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 16, 27.

⁵ *Алматов В.М.* «Великий кризис» лингвистики и пути его преодоления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 7—21.

⁶ *Касевич В.Б.* Является ли лингвистика наукой? // Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 22.

⁷ «В 30-е гг., как впоследствии вспоминал Г.Д. Санжеев (исследователь монгольских языков. — *А.Д.*) распространился метод, получивший название “шапирографии”, брали учебную грамматику русского языка профессора А.Б. Шапиро, заменяли наименование языка, примеры и вносили минимальные коррективы вроде исключения категории рода там, где ее нет. Всерьез господствовали представления о том, что язык тем совершенен, чем его грамматика более похожа на русскую, поэтому старались развить прилагательные там, где они не составляют особую часть речи, изменить порядок слов в соответствии с русским и т.д.»; см.: *Алматов В.М.* 150 языков и политика. 1917—2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Изд. 2-е, доп. М.: Крафт; Ин-т востоковедения РАН, 2000. С. 91.

⁸ Ученые записки. Вып. 12 / НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1955. С. 3—47.

⁹ Например, И.А. Андреев считал принципы классификации сказуемого в чувашском языке, на именные и глагольные, на составные и несоставные (в отличие от русского языка, для которого они органичны) противоречивыми, а само деление бесполезным для науки, так как оно ничего не объясняет. См.: *Андреев И.А.* Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. 1-мĕш пай. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1973. С. 101—104; *Его же.* Хальхи чăваш чĕлхи: синтаксис. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. С. 79—80.

¹⁰ *Гак В.Г.* Языковые преобразования. С. 15. Ср. также: «Языковая единица может быть обозначена разными терминами, поскольку лингвистика — наука гуманитарная, в ней многое зависит от точки зрения ученого. Термин в гуманитарной науке отражает не только сущность исследуемого объекта, но и свойства теории, в рамках которой работает ученый»; см.: *Онипенко Н.К.* Нас часто спрашивают... // Русская речь. 2021. № 1. С. 7.

¹¹ *Иванов С.Н.* К проблеме придаточных предложений в тюркских языках (Изыскательные причастные конструкции в узбекском языке и вопрос о трансформации) // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, 1981. С. 115.

¹² Если проанализировать системы грамматических терминов на чувашском языке от работ Ф.Т. Тимофеева до книг И.А. Андреева и В.И. Сергеева, можно заметить, что в течение столетия произошли достаточно заметные трансформации в системе терминологии, связаны они с выбором более

корректных с точки зрения семантики лексем или удачных для использования формулировок.

¹³ «Расхождения в терминологии также могут объясняться тем, что, формируя термин, авторы берут за основу различные признаки одного и того же явления»; см.: *Гак В.Г.* Языковые преобразования. С. 25.

¹⁴ *Андреев И.А.* Структура простого предложения современного чувашского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 14—20, 57—59; *Его же.* Смысловая и грамматическая структура предложения. С. 69—70; *Его же.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 107.

¹⁵ *Андреев И.А.* Иерархическая структура чувашского предложения // Вестник Чувашского республиканского института образования. 2002. Вып. 2. С. 146—154.

¹⁶ «...нельзя не отметить определенной опасности порочного круга в рассуждениях, выводящих синтаксическую иерархию из морфологической. Дело в том, что сама морфологическая иерархия во многом устанавливается с учетом синтаксического функционирования падежей, для чего последние в первую очередь и предназначены». *Касевич В.Б.* Введение в языкознание. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2011. С. 101.

¹⁷ «...функции членов предложения — лишь морфосинтаксические понятия, не имеющие отношения к отражаемой в предложении ситуации (или типу ситуаций)»; см.: *Киклевич А.К.* Притяжение языка. Т. 2: Функциональная лингвистика. Олштын, 2008. С. 228.

¹⁸ «Морфосинтаксис — это морфология словосочетания (англ. *morphology of wordcombination*) и морфология предложения (англ. *morphology of sentence*), изучающий морфологическую сторону словосочетания и предложения, т.е. морфологические (данные) признаки составляющих их элементов (словоформ)». См.: *Иванова А.М.* Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 10.

¹⁹ Буквами латинского алфавита пользовались Н.Ю. Шведова (Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. С. 93; *Белошапкина В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. С. 101—115. и др.); русскими, например, см.: *Закиев М.З.* Татарская грамматика. Т. 3: Синтаксис. Казань, 1995. С. 299—306; *Ахматов И.Х.* Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках: статьи. Нальчик: Эльбрус, 2006. С. 45—97; *Андреев И.А.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 101.

²⁰ *Андреев И.А.* Порядок слов в чувашском языке // Ученые записки / НИИ при Совете министров ЧАССР. Вып. 49: Филология. Чебоксары, 1970. С. 3—27.

²¹ Там же. С. 5.

²² Там же. С. 11.

²³ *Апатов В.М.* История лингвистических учений: учебник и практикум для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 16.

²⁴ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань: Типолит. В.М. Ключникова, 1903; Ч. 2. Симбирск: Тип. Полиграфсекции СНХ, 1923.

²⁵ *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхийĕн крăмматикĕ. Синтаксис тĕпĕсем. Шупашкар, 1924. 32 с.; *Его же.* Чăваш чĕлхин грамматика: фонетика, морфологи,

синтаксис. 2-мёш хут тухать. Шупашкар, 1928. 203 с.; *Матвеев Т.М., Тимофеев Ф.Т.* Чăваш чĕлхин грамматики: синтаксис: 6-мёшпе 7-мёш вĕрену сүлĕ. Шупашкар, 1934. 92 с.; и др.

²⁶ Такие установки отразились в полной мере, например, в следующих публикациях: *Горский С.П.* Аналитические и синтетические тенденции в чувашском языке // Записки / ЧНИИ. Вып. 1. Чебоксары, 1941. С. 69—107; *Иванов А.И.* Об одной антинаучной статье, напечатанной в «Записках» института, вып. 1 // Записки / ЧНИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1950. С. 263—267.

²⁷ *Резюков Н.А.* Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков. Чебоксары: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1954. 200 с.; *Его же.* Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1959. 328 с.; *Горский С.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1970. 216 с.

²⁸ См., напр.: *Дегтярёв Г.А.* Язык чувашского социума: основные тенденции развития языка // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 119—120; *Виноградов Ю.М.* Интерференция на уровне синтаксиса: нетипичные модели и семантика безглагольных предложений в современном чувашском языке // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 16—18 сентября 2010 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 41—42.

²⁹ *Андреев И.А.* Еще раз о сложноподчиненных предложениях в чувашском языке // Ученые записки / ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 18: Вопросы чувашского языка и литературы. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. С. 192—222.

³⁰ *Андреев И.А.* Способы актуализации высказывания в чувашских диалектах // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 3. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1969. С. 25—43; *Его же.* Порядок слов в чувашском языке; *Его же.* Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. 1-мёш пай. С. 30—85.

³¹ *Худяков А.А.* Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2020. С. 7.

³² *Онипенко Н.К.* Трудные вопросы русской грамматики... С. 11.

³³ *Андреев И.А.* Структура именных синтагм в чувашском языке // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 39: Филология. Чебоксары, 1969. С. 78—105; *Его же.* Способы актуализации высказывания в чувашских диалектах // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 3. Чебоксары, 1969. С. 25—43; *Его же.* Порядок слов в чувашском языке // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 49: Филология. Чебоксары, 1970. С. 3—27; *Его же.* Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. 1-мёш пай. С. 30—85; *Его же.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 130—155; *Доброва Н.В.* Коммуникативный синтаксис: частицы и их аналоги в структуре простого предложения чувашского языка. Чебоксары, 2004. 92 с.

³⁴ *Мышкина Р.А.* Отрицание в структуре чувашского предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1982. 25 с.; *Андреев И.А.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 98—106; *Виноградов Ю.М.* Интерференция на уровне синтаксиса... С. 40—42; *Андреева Е.А., Абязова Л.А.* О некоторых моделях предложения в чувашском языке // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: материалы международной науч.-практич. конференции, 20—21 октября 2006: в 3 ч. Ч. 3. Чебоксары: ЧГПУ, 2011. С. 7—9; *Заринова Л.А.* Предложения со структурной схемой N_1-V_1 в современном чувашском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2012. № 1. Ч. 2. С. 62—65;

Ее же. Предложения со структурной схемой N₁—Part._{н(а)}(-нĕ) в современном чувашском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 3. С. 57—60.

³⁵ Долгова А.П. Впросительные предложения и средства выражения вопроса в чувашском языке: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1999. С. 164—166; Кузнецов А.В. О типах и функциях формул речевого этикета в чувашском языке // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 134, 137—138.

³⁶ «В тюркских языках морфологическая структура слова строго соответствует синтаксической структуре словосочетания и предложения (определение перед определяемым, дополнение перед дополняемым, подлежащее перед сказуемым)...» (*Баскаков Н.А.* К проблеме историко-типологического изучения грамматики тюркских языков // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 61). См. также: *Аракин В.Д.* Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высшая школа, 1989. С. 9, 142.

³⁷ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. С. 1.

³⁸ *Егоров В.Г.* Введение в изучение чувашского языка. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1930. С. 46.

³⁹ *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 201. Данная трактовка недалека от интерпретации этого же вопроса И.А. Андреевым, который подошел к нему с точки зрения актуального членения предложения и обосновал роль порядка слов в чувашском предложении более корректно.

⁴⁰ *Горский С.П.* «Нарспи» поэмн чĕлхи // Сунтал. 1940. № 2. С. 29—30.

⁴¹ Примеры из «Нарспи», приведенные С.П. Горским.

⁴² *Андреев И.А.* Способы актуализации высказывания в чувашских диалектах; *Его же.* Порядок слов в чувашском языке; *Его же.* Чăваш синтаксисĕн вийтăвĕсем. 1-мĕш пай. С. 30—85; *Его же.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 130—155.

⁴³ *Булыгина Т.В.* Пражская лингвистическая школа // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 390—391.

⁴⁴ *Апресян Ю.Д.* Непосредственно составляющих метод // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 332.

⁴⁵ *Андреев И.А.* Порядок слов в чувашском языке. С. 27.

⁴⁶ Там же. С. 27.

⁴⁷ «Словопорядок в чувашском языке может соединять друг с другом любые части речи, способные сочетаться друг с другом: существительные с существительным (*йывăç сурт* “деревянный дом”, *асфальт сул* “асфальтная дорога”), прилагательное с существительным (*симĕс сұлă* “зеленая листва”, *сутă кун* “светлый день”), числительное с существительным (*виçĕ кун* “три дня”, *утмăл кил* “шестьдесят дворов”), наречие с глаголом или существительным (*хулли ут* “шагать медленно”, *паян кун* “сегодняшний день”), существительное с глаголом (*ут утлан* “садиться на коня”, *сыру сыр* “писать письмо”) и т.д.» См.: *Андреев И.А.* Типы языковой экономии и их взаимодействие в структуре чувашского языка // Известия Академии наук Чувашской Республики. 1993. Вып. 1. С. 42.

⁴⁸ *Андреев И.А.* Хальхи чăваш чĕлхи... 2005. С. 151—152.

⁴⁹ См., напр.: *Горшков А.Е.* Чăваш чĕлхи: лексика, фразеологи, пушпек культуры: вĕрену пособыйĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1997. С. 48—54;

Виноградов Ю.М., Петрова Л.Г. Чăваш чĕлхи: 7-мĕш класс валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2016. С. 168—179.

⁵⁰ *Горский С.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. С. 65—68.

⁵¹ *Чернов М.Ф.* Обособленные члены предложения в современном чувашском языке. Чебоксары, 1963. С. 35—36.

⁵² Там же. С. 38; *Сергеев В.И., Чернов М.Ф.* «Чăваш чĕлхи. Синтаксис» учебник синчен: тишкерÿ тата хăш-пĕр сĕнÿсем. Шупашкар, 2001. С. 11—12.

⁵³ *Андреев И.А.* Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. 1-мĕш пай. С. 125—126.

⁵⁴ *Андреев И.А.* Структура именных синтагм в чувашском языке // Ученые записки / НИИ при Совете министров ЧАССР. Вып. 39. Чебоксары, 1969. С. 102—105; *Его же.* Чăваш чĕлхинче приложени пур-и? // Вопросы чувашской филологии: сб. ст. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1974. С. 36—47; *Его же.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 86—92.

⁵⁵ *Федорова Л.Л.* Русское словосложение: между лексикой и грамматикой // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 20. С. 282.

⁵⁶ *Горский С.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. С. 83—84.

⁵⁷ *Андреев И.А.* Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. 1-мĕш пай. С. 117—118; *Его же.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 83—84.

⁵⁸ *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.; *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1973. 383 с.; *Долгова О.В.* Синтаксис как наука о построении речи: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1980. 191 с.; и др.

⁵⁹ Так, согласно некоторым концепциям семантического синтаксиса, подлежащее является всего лишь одним из актантов при глагольном сказуемом. См.: *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. И.М. Богуславского и др.; вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. С. 117—126.

⁶⁰ Имя прилагательное в чувашском языке часто выступает в предложении в функции обстоятельства (как аналог русского наречия) и сказуемого (нередко как аналог категории состояния в русском языке).

⁶¹ *Чернов М.Ф.* Обособленные члены предложения в современном чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. 200 с.

⁶² *Андреев И.А.* К вопросу об обособлении членов предложения // Ученые записки / НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 49: Филология. Чебоксары, 1970. С. 115.

⁶³ Там же. С. 116.

⁶⁴ Там же. С. 118.

⁶⁵ Там же. С. 120.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Шведова Н.Ю.* Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 177—193; *Русская грамматика. Т. 2.* С. 149—163.

⁶⁸ *Андреев И.А.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 92—94.

⁶⁹ *Андреев И.А.* К вопросу об обособлении членов предложения. С. 127—133.

⁷⁰ *Чернов М.Ф.* К вопросу о сущности сложноподчиненных предложений в чувашском языке // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды междунар. конференции (Июнь 9—13, 1992, г. Казань). Т. 1. С. 278—280; То же // Вестник Чувашской национальной академии. 1994. № 2. С. 49—62; *Его же.* Утăм малалла, икĕ утăм каялла // Тăван Атăл. 1993.

№ 10—11; *Его же*. Предложения уйрăм тăран кĕçĕн членĕсем — синтаксис категорийĕ // Известия НАНИ ЧР. 1997. № 1. С. 127—147; *Андреев И.А.* Действительные и мнимые признаки чувашских сложноподчиненных предложений // Известия НАНИ ЧР. 1997. № 1. С. 116—126; *Его же*. Интонация как средство синтагматического членения текста // Народная школа = Халăх шкулĕ. 1998. № 2; *Его же*. Типология сложных предложений в чувашском языке // Известия НАНИ ЧР. 2000. № 3; 2001. № 1. С. 176—184; *Его же*. Предикативность как конструктивный признак простого и сложного предложений // Известия НАНИ ЧР. 2002. № 4. С. 168—177; *Его же*. Иерархическая структура чувашского предложения. С. 146—154; *Его же*. Смысловая и грамматическая структура предложения. С. 69—72.

⁷¹ *Чернов М.Ф.* Хальхи чăваш чĕлхи: предложенин уйрăмтăран кĕçĕн членĕсем: лекци тексчĕ. Шупашкар, 2001. 31 с.

⁷² *Андреев И.А.* Хальхи чăваш чĕлхи... С. 86—94.

⁷³ См. об этом подробнее: *Андреев И.А.* Иерархическая структура чувашского предложения. С. 152—154.

⁷⁴ *Стеблин-Каменский Л.И.* О предикативности // Вестник Ленинградского государственного университета. 1956. № 20. С. 136; *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 16—17; и др.

⁷⁵ *Андреев И.А.* Иерархическая структура чувашского предложения. С. 153—154; *Его же*. Предикативность как конструктивный признак предложения. С. 171—177; *Его же*. Смысловая и грамматическая структура предложения. С. 70—71.

⁷⁶ Чăваш чĕлхи программы: чăваш шкулĕн V—XI класĕсем валли / И.А. Андреев хатĕрленĕ. Шупашкар, 2002. С. 5.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Чăваш чĕлхи. Тĕслĕх программа: чăваш шкулĕн 5—9-мĕш класĕсем валли / И.А. Андреев, Г.Н. Семенова, Ю.М. Виноградов. Шупашкар, 2013. С. 33.

⁷⁹ *Виноградов Ю.М., Егорова А.С.* Чăваш чĕлхи: 8-мĕш класс валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2018. С. 56—57.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Апресян Ю.Д.* Непосредственно составляющих метод // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 332.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Общие положения	4
Многоаспектность предложения и множественность направлений синтаксической науки	7
Чувашская синтаксическая наука: основные направления и особенности развития	10
Спорные вопросы современной чувашской синтаксической науки	16
Порядок слов в чувашском предложении	—
Трактовка членов предложения	20
Обособление в чувашском предложении	27
Типология простых предложений по представленности структурных элементов	30
Заключение	33
Литература и примечания	37

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 36

ДОЛГОВА Алевтина Петровна

**Синтаксический строй
чувашского языка
как объект лингвистического
исследования**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2022 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Выпускающий редактор *Е.В. Федотова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 26.01.2023. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,55. Уч.-изд. л. 2,1.
Заказ № 1. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1